

О развитии мусульманской школы В западном казахстане в конце xviii – сер. XIX вв.

А.Б.Абдуалы,

*д.и.н., профессор, ректор Таразского государственного
педагогического института (ТарГПИ), г. Тараз.*

Среди других вопросов отечественной историографии большой интерес представляет развитие мусульманской школы в Западном Казахстане в конце XVIII – сер. XIX вв.

В работах, посвященных истории просвещения в Западном Казахстане, в основном отмечается первый этап формирования казахского образования, где «исключительно господствует мусульманская школа». Началом следующего этапа является 1841 год, когда была открыта первая русско-киргизская школа в Ханской ставке и начинается распространение русского образования, которое не могло ослабить позиции мусульманской школы. И.С. Иванов сообщает что, «о времени открытия в Орде первых мусульманских школ точных сведений не имеется», и добавляет, «но безошибочно можно сказать, что воспитание киргизских (казахских) детей издавна находилась в руках туземного духовенства» [1].

Исследователь А.Терещенко обращал внимание на деятельность Жангир-хана, правителя Букеевской Орды, в развитии духовного образования мусульманской культуры среди казахов, который «употреблял всевозможные старания формирования духовенства из своих соотечественников» [2]. Для этого он создавал условия для учебы в оренбургских школах и в мечетях, у лучших мулл, не только детям, но и взрослым, жившим в разных местах своей Орды. Этими и другими мероприятиями Жангир-хан увеличил количество казахских священнослужителей. До него для духовных отправлений казахи имели не более 15 мулл, весьма ограниченных в религиозных познаниях.

Первым «вероучителем» и преподавателем восточных языков в открывшейся в Ставке школе в 1841 году был мулла Хаким-Мухаммед Аминов. На него был возложен и надзор за поведением первых 25 учеников этой школы, возраст которых варьировал от 9 до 22 лет. По инициативе Жангир-хана в Букеевской Орде была учреждена и должность ахуна (верховного законоучителя), которую более 20 лет занимал выходец из Казанской губернии Забир Хаметев. Ранее он был учителем арабского, турецкого и персидского языков детей хана Жангира.

В свете вышесказанного интерес представляет вопрос о строительстве мечетей в Младшем жузе. В 1775 г. специальным указом было разрешено основание недалеко от Оренбурга так называемого Сеитовского посада с великолепной мечетью, который вместе со своей религиозной колонией в Стерлибаше в Уфимской губернии стал новым центром мусульманской науки на границе с Казахской степью. Отсюда с ведома российских властей посылались в казахские степи мусульманские проповедники и муллы для духовных отправлений и организации мусульманских религиозных школ.

Неоднократные предложения казахских правителей построить мечети в самой казахской Степи были отвергнуты русской администрацией, так как на это потребовалось бы дополнительные финансовые затраты, и что важно, это привело бы к усилению ислама в регионе. В Младшем жузе мечети начали строиться только в 30-е годы XIX в., после чего строительство мечетей активизируется. Например, в Илецке мечеть была построена в 1833 г., в Букеевской орде – в 1835 году Жангир-ханом.

В мусульманском движении этого времени отмечаются две тенденции. Во-первых, определяется значительная роль «татарских» мулл в распространении ислама и «татарского» языка и грамотности в казахской степи. Колониальная власть возложила на них специфическую функцию, которые в качестве субъектов российской политики как «благонадежных» и «верных», исполняли роль связующего звена между российской властью и казахской знатью, что способствовало усилению ее позиций среди местного кочевого населения.

С другой стороны, в казахской степи увеличивается количество казахских мусульманских священнослужителей, точное число которых трудно определить. По определению Оренбургской пограничной комиссии к 1851 г. на территории Младшего жуза насчитывалось от 17 до 20 мулл в каждой дистанции [3]. С 1831 до 1858 гг. в трех частях Младшего жуза (Восточной, Средней и Западной) было открыто 57 дистанций, поэтому, по нашим подсчетам, получается примерное количество мулл - от 969 до 1140 человек, служивших в Младшем жузе. Если учесть, что эти данные не включают сведения по Внутренней Орде, где к 1853 году примерно было 139 мулл, можно предположить примерное количество мусульманских священнослужителей. В той части Младшего жуза, которая была под юрисдикцией России, было примерно до 1200 мулл, большая часть которых к этому времени были выходцами из местного, казахского населения.

Увеличение числа мулл пропорционально было связано с ростом мусульманских школ – мектебе. В середине XIX в. в Букеевской Орде функционировали 38 школ, где обучалось 400 учащихся, из которых 350

были казахи. Уже в 1866 году количество школ увеличилось до 93, и в них обучалось 3141 учеников [4]. Укрепление ислама в лице роста школ и учащихся местного населения стало настораживать колониальные власти. С этого периода стали приниматься конкретные меры по ослаблению ислама в казахской степи. Несмотря на это, начальные мусульманские школы продолжали функционировать и сыграли важную роль в распространении мусульманской религии и обычной грамотности в казахской степи.

Характерно отношение царских властей к мусульманским священнослужителям, которое в тот или иной исторический период было разным. С проникновением и утверждением российской государственности выборность духовных мусульманских руководителей, прежде всего среднего и низшего звена, среди татар, башкир, азербайджанцев, казахов, узбеков и других российских мусульман сохранялась. Но царские власти стремились поставить эту процедуру под свой контроль и отсеять «неблагонадежных» лиц. После учреждения в 1788-1789 гг. в г. Уфе Оренбургского магометанского духовного собрания, а в 1831 г. в г. Симферополе – Таврического и в 1872 г. в г. Тифлисе - Закавказских (ши‘итского и суннитского) духовных управлений мусульман, порядок назначения мусульманского духовенства на большей части России был регламентирован. Он включал основы светского законодательства, учитывавшего некоторые важные шари‘атские нормы, и местные обычаи и традиции. Царские реформы конца XVIII в. дали толчок структуризации и бюрократизации мусульманского духовенства на Российском Востоке. С этого времени «указной мулла», активно действующий в казахской степи, стал званием и профессией. Началось его оформление как привилегированной прослойки, вплетенной в государственные структуры.

В Российской империи мусульманское духовенство подразделялось на высшее и низшее (мечетское). В округе Оренбургского магометанского духовного собрания к первому относился ахун (перс. *хаванд* или *ахунд* – «наставник», «господин», старшее духовное лицо). Ему подчинялись махаллинские хатибы (араб. хатиб – «оратор», «проповедник»; духовное лицо, читающее в мечети в дни пятничных и праздничных молитв проповедь хутбу), имамы (араб. руководитель общей молитвы в мечети и глава мусульманской общины), муллы (от араб. маула – «владыка», «господин»; служитель культа, духовный руководитель мечетной общины, синоним слова имам; наименование мусульманского духовенства вообще или почетный титул ученых людей) и муэдзины (араб. му‘аззин – служитель мечети, призывающий с минарета прихожан на молитву; синоним - азанчи). В кодексе российских законов служебные обязанности и права служителей ислама были обозначены лишь контурно. Так Оренбургский муфтий (араб. *муфти* – знаток шари‘ата, имеющий право принятия решений в форме особого заключения – фетвы) являлся духовным руководителем мусульман этого региона империи. Они назначались по представлению министра внутренних дел. После 1889 г., по рекомендации муфтия стали назначаться

три кадия (араб. *кади* – судья, отправляющий судопроизводство на основе шари‘ата) министром внутренних дел [5].

Должность председателей и членов Духовного собрания и правлений была пожизненной. Муфтии и кадии получали казенное содержание. Правительство проявляло большую заинтересованность в их лояльности и не скупилось на всякие личные награды, а также льготы членам их семей. Например, первый Оренбургский муфтий Мухаммад-джан Хусаинов (годы службы 1788-1824) помимо значительных денежных премий получил в исключительном порядке право покупки башкирских земель и заселения ими крепостными крестьянами, его преемнику Габдессаламу Габдрахимову (1825-1849) была пожалована соболья шуба, а его сыновьям – тарханское (почти что дворянское) звание. В Оренбургской Пограничной Комиссии, среди ряда должностных лиц особое положение занимали духовные лица – ахун, 2 муллы, азанчи. Ахун за свою службу получал у царского правительства жалование в сумме 500 рублей, молда – 200 рублей, азанчи – 125 рублей [6].

Деятельность мусульманского Духовного собрания и управлений была целиком подчинена государственным интересам. Основной их задачей были контроль над мечетскими служителями и проведение в жизнь различных постановлений правительственных структур. Как правило, большинство муфтиев и кадиев верой и правдой служили царизму.

В XIX в., например, не без их помощи самодержавие добилось политической лояльности башкир и горских народов, в прошлом оказавших длительное сопротивление проникновению и утверждению российской государственности на их землях.

В середине XIX в., после завершения внедрения принципов российского политико-административного управления в Казахстане, взгляды российского правительства на посреднические функции татарских и башкирских служащих в степи в корне изменились. Их не считали «полезными пособниками в деле водворения в степи русской гражданственности» [7]. На их место пришло новое поколение местной интеллигенции, в том числе и казахских священнослужителей. Характерно, что уже в это время подчеркивается политическое значение внедрения в сознание казахов ислама [8].

В исследуемое время в казахской степи отмечается усиление религиозной пропаганды. Показательны статистические данные, характеризующие изменение позиции Ислама за 20 лет, когда при ставке хана Букеевской орды находился ахун с несколькими муллами, а среди кочевого населения для обучения казахов вероучения, при активной деятельности Жангир-хана, было увеличено число мулл до 139, по одному на 170 кибиток. А ведь до недавнего прошлого у казахов «долгое время не было нужного числа духовенства, кроме нескольких мулл казанских». Число мулл едва доходило до 15 человек [2, с. 175].

И все же, в 1860-1880-х гг. и в последующее время в Казахской степи количестве местных мулл было недостаточным. Об этом в 1882 г. сообщал исследователь Султан Чуваков. Он обращает внимание на введение ряда положений об управлении и организации в степных областях духовными делами казахов. Согласно этому местные муллы были подчинены гражданскому управлению (§ 252 Положения) и исключены из ведения Оренбургского Магометанского Духовного Соборания (§ 251 Положения). Местное начальство возложило на казахских мулл право преподавания (§§ 258 и 259 Положения), а также – вести метрические книги с целью регистрации движения населения.

Но этот опыт не привел к удовлетворительным результатам, так как мулл не хватало. Из 35 волостей Тургайской области только в 14 существовали волостные муллы. О слабом развитии школьного образования говорит и тот факт, что при Оренбургской гимназии киргизской степей Тургайской области было только 12 стипендий на получение бесплатного образования, а в Троицкой – 2 [9] .

Обучение в разрешенных царским правительством мектебах проводилось муллами, как утвержденными колониальными властями, так и частными. Муллы обучали в своих начальных школах – мектебе таким предметам, как «чтение, письмо, молитвы, отрывки из алкорана с толкованиями оных, а также арифметика». Источники сообщают, что их в дореволюционный период в Туркестанском крае насчитывалось свыше 7 тысяч, что составляло 2/3 всех учебных заведений такого типа в Российской империи. Характерно, что в Казахстане в большинстве своем существовали так называемые кочующие мектебы. Например, только в Закаспийской области на 247 «кочующих» школ примерно приходилось 34 при мечетях. Желаящие продолжить учебу поступали в повышенные мусульманские школы – медресе (мадраса). Некоторые родители посылали своих детей после завершения ими мактаб-и савод – «школа грамоты», в школу чтецов Корана.

Для получения полноценного религиозного образования богатые казахи предпочитали отправлять своих детей обучаться в медресе Хивы, Бухары, Ташкента, Самарканда, где дети могли получить высшее духовное образование. Даже после завоевания Российской империей Средней Азии, в таких теократических исламских государствах, как Бухара и Хива, находившихся под ее протекторатом, политико-правовое и социально-экономическое положение мусульманского духовенства оставалось высоким. В этом регионе (также как в Туркестане) оно регулировалось преимущественно шари‘атскими нормами.

Во второй половине XIX в. мусульманская школа переживает новый этап развития. С активизацией восточной политики Российского государства и стремлением к культурной и административной унификации можно связать начало более насыщенного по содержанию этапа культурного взаимодействия тюркоязычных народов.

В условиях жестокого национального гнета ряд объективных и субъективных факторов позволили мусульманским народам России найти пути взаимопонимания и сближения, что вылилось в распространении просветительства, установлении творческих контактов между представителями интеллектуальной элиты мусульманского населения, развитии либерально-оппозиционного движения мусульман Российской империи. В любом случае в это время большое значение во взаимном сближении казахов, татар, башкир, узбеков и других тюркоязычных народов имело мусульманское движение.

В заключение хотелось бы сказать следующее. В конце XVIII – сер. XIX вв. в Западном Казахстане отмечается развитие мусульманской школы, увеличение количества казахских священнослужителей. В условиях усиления колониальной политики царизма казахская степь включается в мусульманское интеллектуальное движение.

Ислам стал тем духовным стимулятором социального, культурного развития казахского и других тюркоязычных народов, который сыграл большую роль в развитии идеи тюркского единства и сохранении их общего культурного наследия. Конфессиональное сознание было одной из первых тенденций в формировании общенационального сознания тюркоязычных народов (джадидизм).

Использованная литература:

1. Иванов И.С. Внутренняя Киргизская Орда. // Букеевской Орде 200 лет. Издание из 6 книг. Книга 2. Алматы: Издательство «Өлке». 2001. С. 212.-215.
2. Терещенко А. Следы Дешт-Кипчака и Внутренняя Киргиз-кайсацкая орда // Букеевской Орде 200 лет. Издание из 6 книг. Книга 4. Алматы, 2001. С. 174-175
3. Султангалиева Г.С. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII- XIX вв.) //Вестник Евразии. М., 2000. № 4. С. 27.
4. Букеевской Орде 200 лет. Издание из 6 книг. Книга 2. Алматы: Издательство «Өлке». 2001. С. 212, 215
5. Сборник законов о Мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о Магометанских учебных заведениях. Казань, 1898 (2-е изд. Казань, 1902); Коблов Я.Д. О магометанских муллах. Казань, 1907.
6. ЦГА РК. Ф. 4, оп. 1, д. 391. Л. 78

7. Васильев А.А. Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргиз с предварительным кратким очерком этих отношений. Оренбург. 1898. С. 2.
8. Добросмыслов А.И. Заботы императрицы Екатерины II о просвещении киргизов. //Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 32. 1915. С. 170-173. См. также: Григорьев В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк. СПб., 1874; Ильминский Н.И. Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. Казань: Тип. Каз. Ун-та, 1883; Коблов Я. О татаризации инородцев Приволжского края. Казань. 1910; Чернавский П. Оренбургская епархия в прошлом и будущем. Оренбург: типо-литогр. Ф.Б. Сагнова, 1900.
9. См.: Чуваков Джан-Султан. Действующее Положение об управлении степных областях //Отан тарихы. Ғылыми журнал. 2002, № 4. С. 25-43.

Мақалада тарих ғылымында аз қаралып жүрген мәселелердің бірі – XVIII ғасырдың аяғы мен XIX ғасырдың ортасындағы Батыс Қазақстандағы мұсылман мектебінің дамуы зерттелінеді. Автор мақаланың басты мәселесі ретінде заңды және жеке молдалардың қызметін, қатал ұлттық таптау кезеңіндегі мұсылман қауымы қызметінің өзгешелігін алып, аймақта пайда болған рухани мектептің негізгі белгілерін ашып, оның бағзы тарихи өмірге тигізер ықпалын қарастырады.

This article investigates Muslim school development in the late XVIII century and till the middle of XIX century in West Kazakhstan. It is one of the less considered matters in history. As the main factor of the article, the author considers activities of legal and private mullah, varieties of Muslim people's activity during strict discrimination against nation.